

На правах рукописи

УДК 159.9

Романова Наталья Викторовна

**ТИП ПРИВЯЗАННОСТИ КАК ПРЕДИКТОР ВРЕМЕННОЙ
ТРАНССПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ**

Специальность: 5.3.1. Общая психология, психология личности,
история психологии (психологические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Санкт-Петербург

2026

Работа выполнена на кафедре общей психологии и истории психологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет».

Научный руководитель: Андронникова Ольга Олеговна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии и истории психологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет».

Официальные оппоненты:

Духновский Сергей Витальевич, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Шилова Наталья Петровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин Покровского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет».

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Защита состоится «11» июня 2026 года в 15:00 часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 33.2.018.17, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», по адресу: 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 11, ауд. 64.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 5) и на сайте университета по адресу: https://dissер.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_000001216.html

Автореферат разослан «__» апреля 2026 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кондакова Ирина Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения глубинных личностных оснований, определяющих специфику восприятия человеком времени собственной жизни. В современном мире, характеризующемся нестабильностью (VUCA-мир), высокой скоростью изменений и цифровизацией, приводящей к «сжатию» времени, способность к целостной и осмысленной темпоральной организации жизненного пути становится ключевым психологическим ресурсом человека. Эта способность, описываемая понятием *временной трансспективы* (В.И. Ковалёв, И.А. Спиридонова), непосредственно связана с адаптацией, психическим благополучием и успешностью личности.

Научная актуальность работы заключается в решении трёх ключевых задач:

1. Интеграции классических теорий. Исследование находится на стыке двух фундаментальных парадигм – теории привязанности (Д. Боулби, М. Эйнсворт) и психологии времени (А.А. Кроник, Е.И. Головаха). Несмотря на глубокую разработанность каждой из них, прямая связь между типом привязанности и комплексными структурно-содержательными параметрами временной трансспективы остается недостаточно изученной, что и составляет центральную проблему данного исследования.

2. Выход на объяснительный уровень. Работа позволяет перейти от описания характеристик временной трансспективы к объяснению их происхождения. Предполагается, что ранний опыт привязанности, формирующий базовое чувство безопасности и доверия к миру, является ключевым предиктором структурной организации временного сознания.

3. Ответ на вызовы современности, связанные с трансформацией социокультурного темпорального ландшафта (К. Муздыбаев, Ф. Зимбардо, Е.И. Головаха, А.А. Кроник), актуализирует необходимость нового понимания того, как устойчивые личностные структуры, такие как привязанность, влияют на способность человека к ориентации во времени и построению «авторства» собственной жизни.

Практическая и социальная актуальность исследования раскрывается в следующих аспектах:

Дисфункциональная временная трансспектива (фиксация на травматическом прошлом, фаталистическое настоящее, размытое будущее) является маркером многих расстройств. Доказательство ее связи с типом привязанности открывает новые мишени для терапии: гармонизация моделей привязанности может стать путем к коррекции нарушений темпоральности, и наоборот. Понимание истоков формирования временной трансспективы критически важно для разработки развивающих программ в образовании и работе с молодежью, направленных на психологическое благополучие и осознанное проектирование жизненного пути.

Результаты работы могут быть востребованы не только в психологии, но и в смежных областях: педагогике (для создания поддерживающей среды),

социальной работе (для принятия решений в интересах ребенка) и организационном консультировании.

Степень разработанности темы. Теоретическая основа исследования является достаточной для его проведения, но при этом содержит значительные лакуны, которые предстоит заполнить.

Теория привязанности (Д. Боулби, М. Эйнсворт) является одной из наиболее разработанных и эмпирически подтвержденных концепций в общей психологии и психологии личности. Выделены и верифицированы типы привязанности (безопасный, тревожно-амбивалентный, избегающий, дезорганизованный), определены их устойчивые когнитивно-аффективные корреляты во взрослом возрасте (внутренние рабочие модели себя и другого (Bartholomew, Horowitz, 1991; Mikulincer, Shaver, 2007)), разработаны и апробированы на русскоязычной выборке диагностические методики с доказанной надежностью (Hazan Shaver, 1987; О.В. Митина, А. Сырцова, 2008).

Изучение временных характеристик психики имеет давнюю традицию как в отечественной, так и в зарубежной науке. Существуют работы, посвящённые проблематике «психологического времени» (А. Fraisse, К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, В.И. Ковалёв), «восприятия времени» (В.Е. Котов-Хроменко, Р. Fraisse), «переживания времени» (Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Б.И. Цуканов), «временной перспективы» (P.G. Zimbardo, J. Boyd, A. Sircova K. S. Jankowski), а также «временных стилей» и «сбалансированной временной перспективы» (P.G. Zimbardo, J. Boyd, T. K.S. Jankowski).

Важность темпоральных характеристик личности подтверждается их изучением в контексте профессиональной деятельности, самореализации и управления жизненным путем (К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, С.Л. Рубинштейн).

Отдельного внимания заслуживает понятие временной трансспективы, введённое В.И. Ковалёвым и развитое в работах И.А. Спиридоновой. В отличие от временной перспективы (P.G. Zimbardo, J. Nuttin), фокусирующейся на доминирующей ориентации на прошлое, настоящее или будущее, временная трансспектива трактуется как целостное образование, интегрирующее все временные модусы. Она описывается через параметры протяжённости, плотности, направленности и эмоционального фона, отражая структурно-содержательную организацию субъективного времени личности.

Несмотря на глубокую разработанность каждой из этих областей по отдельности, их систематическая интеграция является новой и теоретически мало разработанной задачей. Отсутствуют исследования, в которых тип привязанности напрямую рассматривался бы в качестве ключевого предиктора параметров временной трансспективы. Имеются лишь косвенные данные, показывающие, что ненадёжная привязанность влияет на совладающее поведение, стрессоустойчивость и эмоциональную регуляцию (М. Mikulincer, P.R. Shaver, R.M. Khalaf), что, в свою очередь, опосредованно отражается на субъективном восприятии времени. Таким образом, можно предположить, что привязанность выступает значимым предиктором особенностей временной организации жизненного пути.

Таким образом, теоретическая база исследования является прочной, но неполной. Существует теоретический зазор – хотя и теория привязанности, и концепция временной транспективы хорошо разработаны, систематических исследований, прямо связывающих конкретный тип привязанности с конкретными параметрами транспективы, недостаточно. Настоящее исследование направлено на заполнение этой лакуны и призвано эмпирически верифицировать теоретически обоснованную гипотезу о том, что тип привязанности является значимым предиктором особенностей формирования временной транспективы личности. Это и составит его научную новизну.

Проблема данного исследования заключается в необходимости разрешения системы объективных противоречий, сложившихся в современной психологической науке:

1. Противоречие между высокой теоретической и эмпирической разработанностью теории привязанности и психологии времени личности *по отдельности* и недостаточной изученностью *взаимосвязи* между этими двумя фундаментальными конструктами. С одной стороны, мы имеем верифицированные типологии привязанности и операционализированные параметры временной транспективы. С другой стороны, отсутствует целостное понимание того, как глубинный стиль межличностных отношений, сформированный в детстве, детерминирует базовую архитектуру временного сознания человека.

2. Противоречие между логической правдоподобностью и теоретической обоснованностью влияния типа привязанности на временную транспективу и отсутствием эмпирических данных, подтверждающих силу, характер и направленность этого влияния. Теоретически очевидно, что «базовое чувство безопасности» (Дж. Боулби) должно быть основой для уверенного планирования будущего (протяженность) и позитивного восприятия жизни (эмоциональный фон). Однако, эти теоретически выведенные гипотезы не нашли своего систематического эмпирического подтверждения в рамках комплексных исследований.

3. Противоречие между практическим запросом на использование данной связи в консультативной и терапевтической практике (как мишени для коррекции) и невозможностью удовлетворить этот запрос в силу отсутствия доказательной базы. Практикам интуитивно ясно, что терапевтическая работа с травмой привязанности может гармонизировать восприятие клиентом своего прошлого и будущего. Однако, для разработки целенаправленных и эффективных технологий необходимы валидные данные о том, *как именно тип привязанности* связан с нарушениями в структуре временной транспективы.

Разрешение данного комплекса противоречий путем эмпирического установления характера и силы влияния типа привязанности на структурно-содержательные характеристики временной транспективы и составляет проблему настоящего исследования.

Изложенная проблема определила **тему исследования**: «Тип привязанности как предиктор временной транспективы личности».

На основании проблемы определена **цель** исследования – выявить и

охарактеризовать влияние типа привязанности (как во взрослом возрасте, так и ретроспективно оцениваемого в детстве) на формирование параметров временной транспективы личности.

В качестве **объекта** исследования предлагается временная транспектива личности.

Предмет: психические репрезентации привязанности как предиктор временной транспективы личности.

Теоретический анализ научной литературы по исследуемой проблеме и результаты пилотажного исследования позволили сформулировать **гипотезу**, имеющую следующие допущения:

1. Тип привязанности (как измеряемый через стиль во взрослом возрасте, так и через ретроспективную оценку детской привязанности) является значимым предиктором параметров временной транспективы. Надежная привязанность связана со сбалансированной, интегрированной и позитивно окрашенной транспективой, в то время как тревожный и избегающий типы – с дисбалансом, инверсией и негативной окраской.

2. Стиль привязанности во взрослом возрасте положительно коррелирует с типом привязанности к матери и отцу в детстве. Однако, эта связь опосредуется количеством и субъективной значимостью негативных и/или позитивных жизненных событий, включая травматический опыт.

3. Тревожный тип привязанности к матери/отцу в детстве является ключевым предиктором выраженной инверсии временной транспективы (смещение прошлого, настоящего и будущего).

Исходя из цели и гипотезы диссертационного исследования, в работе были поставлены и решены следующие **задачи**:

1. Провести теоретико-методологический анализ подходов, теорий и концепций временной транспективы личности и факторов ее формирования.

2. Рассмотреть теоретические основания и эмпирические исследования феномена привязанности в детстве и взрослом возрасте, а также его влияние на личностное развитие.

3. Выявить и сравнить структурно-содержательные параметры временной транспективы, характерные для лиц с надежным, тревожным и избегающим типами привязанности.

4. Эмпирически выявить опосредующую роль субъективной значимости и модальности (позитивной/негативной) жизненных событий во взаимосвязи детской и взрослой привязанности, установить характер и силу связи типа актуальной и ретроспективной (детской) привязанности с параметрами временной транспективы.

5. Выявить специфическое влияние тревожного типа привязанности на параметр инверсии (смещения) временной транспективы.

6. Определить прогностическую силу типа привязанности в отношении особенностей временной транспективы.

Теоретико-методологической основой исследования явились ведущие **принципы** психологии – принцип темпоральной активности личности (К.А. Абульханова-Славская), принцип системности (Б. Ф. Ломов), развития (А.Г.

Асмолов, Л.С. Выготский); принцип детерминизма (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев); принцип единства сознания и деятельности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев), принцип субъекта (С.Л. Рубинштейн, В.Э. Чудновский К.А. Абульханова-Славская); принцип дифференциации психологической организации у человека и человеком времени (В.И. Ковалев); принцип единства сознания и деятельности (А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн).

В качестве основных **теоретических концепции** исследования выступили:

- теория привязанности (Дж. Боулби, М. Эйнсворт; К. Bartholomew, L. Horowitz; М. Mikulincer, Р. Shaver), концепция внутренних рабочих моделей, определяющих базовые представления о себе, других и будущем и их развитие в моделях взрослой привязанности (К. Бартоломью, Л. Хоровиц; М. Микулинсер, П. Шейвер);

- теория объектных отношений (М. Кляйн, Д.В. Винникотт), раскрывающая глубинные механизмы формирования ранних отношений;

- концепции психологического времени и временной перспективы (К. Левин, J. Nuttin, К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, В.И. Ковалёв, Р.С. Zimbardo, J. Boyd);

- теория сбалансированной временной перспективы (Ф. Зимбардо, Дж. Бойд);

- концепция временной трансперспективы (В.И. Ковалёв, И.А. Спиридонова) как интегративного видения жизненного пути;

- концепция субъекта жизненного пути (Ш. Бюлер, П. Жане, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, Е.Ю. Коржова), рассматривающая личность как активного преобразователя собственной биографии, организующего время жизни в соответствии с ценностями и целями;

- типология субъект-объектных ориентаций личности (Е.Ю. Коржова), конкретизирующая проявления активности личности во времени;

- культурно-историческая теория Л. С. Выготского, подчеркивающая роль социального взаимодействия и культурных средств (в том числе языка и автобиографического нарратива) в формировании временного сознания;

- теоретические положения субъектного-деятельностного подхода (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова);

- идеи Р. Шпица о госпитализме и депривации;

- экзистенциально-гуманистическая традиция (В. Франкл, Э. Эриксон), акцентирующая роль смыслообразования и целостной временной организации как основы идентичности и психического благополучия;

- когнитивно-эмоциональные модели временной организации (Ж. Нюттен, К. Левин), объясняющие роль целей, мотивации и эмоциональной регуляции в построении временной картины мира;

- теории психологической травмы, совладания и посттравматического роста (М. Хоровитц, Р. Тадеуш), необходимые для интерпретации опосредующей роли жизненных событий.

Таким образом, опора на данные принципы и концепции обеспечивает целостное рассмотрение типа привязанности как предиктора формирования

временной транспективы личности, связывая онтогенетические, когнитивно-аффективные и социокультурные аспекты её развития.

В исследовании использовался следующий комплекс **методов**:

1. Теоретические – анализ и синтез научной литературы по изучаемым концептам психологического времени и психологической привязанности; анализ литературных источников по проблеме адаптации тестов; формулирование гипотезы и цели исследования.

2. Эмпирические. В эмпирическом исследовании типа привязанности как предиктора временной транспективы использовались следующие методы математической статистики: дескриптивная статистика, направленная на расчет средних значений, стандартных отклонений для всех шкал; корреляционный анализ (rs-критерий Спирмена) применялся для выявления связей между всеми шкалами привязанности и шкалами временной транспективы; U-критерий Манна-Уитни для выявления разницы привязанности между возрастными группами; сравнительный анализ (t-критерий, ANOVA) использовался для сравнения параметров транспективы у групп с разными типами детской привязанности (надежный, избегающий); факторный анализ для сокращения размерности данных и выявления латентных факторов временной транспективы; регрессионный анализ (множественная регрессия) выступил ключевым математическим методом для проверки гипотез.

Для исследования основных взаимосвязей между переменными, выявления факторной структуры и множественной регрессии была использована программа SPSS версии 22.0.

В диссертационной работе использовался комплект из стандартизированных, проективных и оригинальных методик (ZTP1, «Психологическая автобиография», методика А.А. Кроника и др.), обеспечивающий многомерное исследование феномена, подробно описанный во второй главе диссертации. Предложенный комплект методик можно считать достаточным и валидным для исследования типа привязанности как предиктора временной транспективы.

В соответствии с поставленными задачами на протяжении 2021-2025 гг. нами были проведены следующие **этапы исследования**:

Первый этап (2021 г.) – теоретико-аналитический: проведен анализ научной литературы, уточнены ключевые понятия, определены цель, задачи и гипотезы исследования.

Второй этап (2022 г.) – методико-пилотажный: осуществлен подбор и апробация диагностического инструментария, проведена адаптация методики диагностики привязанности взрослых к родителям в детстве, проведено пилотажное исследование и уточнены исследовательские процедуры.

Третий этап (2023 г.) – эмпирический: реализовано основное исследование на расширенной выборке, собран и предварительно обработан эмпирический материал.

Четвертый этап (2024 г.) – аналитико-обобщающий: проведена статистическая обработка данных, проверка гипотез и выявление предикторов временной транспективы личности, представление полученных результатов на

научных конференциях, заседаниях кафедры.

Пятый этап (2025 г.) – интерпретационно-оформительский: выполнена интеграция результатов, сформулированы выводы и положения на защиту, оформлен текст диссертации.

Научная новизна работы заключается в комплексном теоретико-эмпирическом исследовании связи типа привязанности не с отдельными аспектами, а с целостной системой параметров временной транспективы, а также в проверке модели опосредующего влияния жизненного опыта и операционализации понятия «инверсии» транспективы, возникающей вследствие ненадежной привязанности.

1. Впервые не только теоретически обосновано, но и эмпирически доказано влияние типа привязанности на структурно-содержательные параметры временной транспективы личности. Полученные результаты позволяют интегрировать теорию привязанности Дж. Боулби и концепцию временной транспективы В.И. Ковалёва, И.А. Спиридоновой в единую объяснительную модель. Подтверждено, что тип привязанности является предиктором темпоральной организации опыта личности.

2. Установлены и операционализированы дифференцированные механизмы влияния различных типов привязанности на различные параметры транспективы.

Надежная привязанность детерминирует формирование интегрированной временной транспективы через развитие «базовой безопасности» (ипсефидальность – вера в свое Я), что обеспечивает низкую инверсию, позитивный эмоциональный фон и сбалансированную направленность.

Тревожная привязанность является ключевым предиктором диссоциативно-травматического типа транспективы, вызывая гипербдительность к угрозам, что проявляется в высокой инверсии (смещении прошлого, настоящего и будущего), негативном отношении к прошлому и фаталистическому настоящему.

Избегающая привязанность предсказывает формирование обедненной и схематичной транспективы через защитную деактивацию эмоций, что выражается в эмоциональной уплощенности (т. е. низком диапазоне переживаемых эмоций), сниженной продуктивности воспоминаний и коротком горизонте планирования.

3. Эмпирически выявлена и подтверждена пятифакторная модель структуры временной транспективы, включающая не только заложенные изначально параметры (осмысленность, эмоциональный фон), но и новое, выявленное в ходе исследования измерение – ощущение фаталистической ограниченности и дефицита времени. Это определяет развитие концепции временной транспективы.

4. Доказано, что связь между детской и взрослой привязанностью опосредуется характером жизненных событий (уточнена роль жизненного опыта – травмы или достижения), что вносит вклад в развитие представлений о пластичности внутренней рабочей модели привязанности на протяжении жизни.

5. Разработан и апробирован комплексный подход к диагностике временной транспективы, основанный на методологической триангуляции. Совместное использование стандартизированных опросников (ZTPI), проективных методик («Психологическая автобиография» Е.Ю. Коржова) и оригинальных инструментов (методика «Инверсия удаленности» А.А. Кроника) позволило раскрыть феномен во всей его полноте – от эмоционально-оценочного отношения ко времени до глубинных структурно-динамических характеристик его восприятия.

6. Впервые эмпирически выделен и верифицирован конкретный психологический механизм – развитие ипсефидальной компоненты (базовой веры в свое «Я») – как центральное опосредующее звено влияния надежного типа привязанности на формирование интегрированной временной транспективы. Это переводит понимание связи «привязанность – время» из плоскости констатации корреляций в плоскость объяснения внутренней каузальности.

7. Установлено, что стиль привязанности является не внешним фактором, а центральным, интегрирующим компонентом когнитивно-смыслового ядра временной транспективы. Эмпирически доказано, что целостное восприятие времени и надежная привязанность представляют собой проявления единого глубинного психологического конструкта, что является принципиально новым взглядом на организацию временного сознания личности.

Экспериментальная выборка поделена на две части, исходя из целей исследования. Для адаптации методики «Опросник ретроспективной оценки привязанности к родителям у взрослых: на основе опросника на привязанность к родителям для старших подростков (М.В. Яремчук)» выборка составила 127 участников (18–39 лет), 74 из которых были студентами университета, а остальные – представителями общей популяции. Основная выборка составила 168 (126 женщин и 42 мужчины) человек взрослого возраста от 18 до 55 лет ($M = 32,50$, $SD = 12,32$). Общее количество участников исследования – 295, из них 226 женщин и 69 мужчин.

Теоретическая значимость заключается в углублении представлений о механизмах формирования временной транспективы путем ее интеграции с теорией привязанности.

1. Установлена теоретическая и терминологическая основа исследования. Проанализированы и разведены ключевые понятия: «психологическое время», «временная перспектива» и «временная транспектива». *Временная транспектива определена как интегративное, системное образование личности (В.И. Ковалёв), обеспечивающее целостный охват и смысловую связность прошлого, настоящего и будущего, операционализированное через параметры протяженности, плотности, направленности и эмоционального фона (Л.В. Бороздина, И.А. Спиридонова).*

Концептуальное разведение и сопряжение указанных категорий позволило уточнить формально-структурные параметры временной транспективы: протяжённость (горизонт охвата прошлого и будущего), плотность (событийная и смысловая насыщенность временных зон), направленность (доминантный

вектор внимания и регуляции – к прошлому, настоящему или будущему) и эмоциональный фон (аффективная валентность и субъективная «напряжённость» времени). Эти параметры выступают операциональными индикаторами степени целостности и согласованности временной организации личности: сбалансированный профиль соотносится с высокой адаптивностью, когнитивной гибкостью, сохранностью идентичности и ресурсной саморегуляцией; дисбаланс – с фрагментацией опыта, ригидностью поведенческих стратегий и рисками дезадаптации.

2. Выявлена структурная сложность и функциональная значимость феномена временной транспективы. Транспектива рассмотрена как многоуровневое образование (от психофизиологического до личностно-смыслового уровня), выполняющее ключевые функции регуляции поведения, смыслообразования, поддержания идентичности и адаптации личности в контексте жизненного пути.

3. Систематизирован широкий спектр факторов формирования временной транспективы личности. Установлено, что формирование временной транспективы является многодетерминированным процессом, зависящим от: социокультурных условий (ценности, нормы, экономический статус); возрастных особенностей (закономерный сдвиг от проспективной ориентации в юности к ретроспективной в старости); когнитивных возможностей (развитие децентрации, памяти, планирования); индивидуально-личностных черт (тревожность, мотивация достижения). Ключевое значение имеет опыт межличностных отношений, в том числе тип привязанности, формирующийся в детстве.

4. Обоснована центральная роль типа привязанности. Теория привязанности Дж. Боулби и М. Эйнсворт является ведущим объяснительным конструктом. Внутренняя рабочая модель привязанности, выступая прототипом всех будущих отношений, определяет базовое доверие к миру, способность к саморегуляции и исследовательскому поведению, что напрямую влияет на темпоральную организацию опыта:

- Надежная привязанность создает «базу безопасности» для формирования сбалансированной, интегрированной и позитивно окрашенной транспективы.

- Ненадежные типы (тревожный, избегающий) связаны с ригидной, фрагментированной транспективой, фиксацией на негативном прошлом и обедненном, пессимистичном будущем, что может усугубляться травматическим опытом.

5. Показано, что временная транспектива является субъектно-временным каркасом жизненного пути (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская). Она обеспечивает преемственность и осмысленность биографии, позволяя личности выступать активным субъектом, организующим свое время и проектирующим будущее.

6. Установлено, что надежная привязанность, формируя устойчивое чувство базовой безопасности и принятия, способствует кристаллизации фундаментального доверия личности к собственной субъектности (ипсефидальная компонента). Эта «вера в свое Я» выступает ключевым

опосредующим звеном, преобразующим внешнюю надежность отношений во внутренний ресурс для темпоральной свободы.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов для разработки программ психологического консультирования и коррекции, направленных на гармонизацию временной перспективы и преодоление последствий травматического опыта и нарушенной привязанности.

Полученные результаты позволяют с высокой точностью прогнозировать особенности временной транспективы на основании диагностированного типа привязанности. Выявленные маркеры (например, высокая инверсия времени как индикатор тревожной привязанности) могут быть использованы в диагностическом инструментарии психологов.

В работе с нарушениями временной перспективы (например, при фиксации на травматическом прошлом, фатализме, отсутствии будущего) фокус смещается не только на когнитивную переработку воспоминаний или навыки планирования, но и на целенаправленное укрепление ипсефидальной компоненты. Это означает работу с базовым самоотношением, экзистенциальной уверенностью, принятием личной истории. В нарративной практике помощь в пересочинении жизненной истории направлена на поиск и усиление личной стойкости, выбора и эффективности, что напрямую укрепляет веру в свое «Я».

Положения, выносимые на защиту:

1. Тип привязанности (как актуальный взрослый стиль, так и ретроспективно оцениваемый детский опыт) является ключевым предиктором структурно-содержательных характеристик временной транспективы личности, причем влияние носит дифференцированный и специфичный характер. Надежная привязанность детерминирует формирование сбалансированной, интегрированной и позитивно окрашенной транспективы. Тревожный тип привязанности выступает основным предиктором нарушений структурной целостности времени (феномен инверсии) и формирования негативного отношения к прошлому и настоящему. Избегающий тип привязанности является ключевым предиктором эмоциональной обедненности транспективы, схематичности автобиографического нарратива и сужения горизонта планирования.

2. Связь между типом детской привязанности и стилем привязанности во взрослом возрасте является опосредованной. Ее характер и сила определяются субъективной значимостью и модальностью (позитивной/негативной) последующего жизненного опыта. Травматические события опосредуют и усиливают связь между ненадежной детской привязанностью и дисфункциональным взрослым стилем, в то время как события-достижения способствуют формированию более надежных моделей отношений даже при неблагоприятном раннем опыте.

3. Наиболее значимым предиктором выраженной инверсии временной транспективы – феномена смешения и нарушения четких границ между прошлым, настоящим и будущим выступает тревожная привязанность. Это свидетельствует о том, что непоследовательность значимых фигур в детстве

наносит наибольший ущерб способности личности к последовательной темпоральной организации жизненного опыта, приводя к вторжению травматического опыта в настоящее и будущее. Избегающая привязанность приводит к общей размытости временной трансспективы как части стратегии избегания глубоких переживаний.

4. Центральным механизмом, опосредующим влияние надежной привязанности на формирование интегрированной временной трансспективы, является развитие ипсефидальной компоненты (базовой веры в свое «Я»). Именно это внутреннее чувство самотождественности и ценности создает необходимую «психологическую безопасную базу», позволяющую личности свободно оперировать временными модусами, не прибегая к защитным искажениям (инверсии, вытеснению, эмоциональной девальвации).

Надёжность и достоверность полученных результатов обеспечивались анализом зарубежной и отечественной литературы по данной проблеме; соотносением теоретических положений с результатами экспериментального исследования; тщательным планированием исследования; использованием методов исследования, удовлетворяющим психометрическим требованиям; обработкой данных с использованием пакетов математической обработки данных.

Апробация результатов. Основные положения и результаты данного исследования выносились на обсуждение в рамках заседаний кафедры общей психологии и истории психологии факультета психологии ФГБОУ ВО НГПУ (Новосибирск, 2022-25 гг.), кафедре психологии, педагогики и правопедания ФГБОУ ВО НГУЭУ (Новосибирск, 2022-25 гг.), докладывались на семинарах и практико-ориентированных встречах специалистов (проф-спейс) в рамках работы психотерапевтического центра «Беркана» (Новосибирск, 2022-25 гг.). Материалы диссертационного исследования были представлены в рамках ряда конференций: Всероссийская конференция «Психология, психотерапия, психиатрия: творческие подходы» (Москва, 2023); Всероссийский форум специалистов помогающих профессий с международным участием «Мастерство коммуникации от Сократа до ИИ» (Новосибирск, 2024); Всероссийский форум специалистов помогающих профессий с международным участием «Секреты профессионализма: путь от первого клиента до эксперта» (Новосибирск, 2025); Всероссийский форум «Психология – образованию: психолого-педагогические аспекты современного образования» (Новосибирск, 2025).

Структура и объем работы. Диссертационная работа состоит из трех глав, введения, заключения, списка литературы. Список литературы включает в себя 228 наименований, из них 101 – на иностранных языках. Объем работы – 230 страниц без приложений. Основной текст диссертации содержит 29 таблиц и 2 рисунка.

По материалам было опубликовано 9 статей, 7 из них – в научных изданиях, рекомендованных ВАК.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяются цели, задачи, объект и предмет исследования, раскрывается его методологическая основа, показана эмпирическая база, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, сообщается об апробации результатов исследования.

В **главе 1 «Основные теоретические подходы к изучению временной транспективы личности и психологической привязанности»** представлены теоретико-методологические основания исследования временной транспективы личности и психологической привязанности, обоснована их связь, составившая методологическую основу эмпирической части.

Параграф **1.1. «Феномен психологического времени и временной транспективы личности в отечественной и зарубежной психологии»** содержит анализ подходов к психологическому времени в отечественной и зарубежной психологии. Показано, что психологическое время рассматривается как субъективная форма организации жизненного опыта, отличная от хронологического времени и включающая когнитивные, эмоционально-мотивационные и смысловые компоненты (Б.Г. Ананьев; С.Л. Рубинштейн; К. Левин; Е.И. Головаха, А.А. Кроник). Развернута логика перехода от исследований восприятия времени к концептам временной перспективы (К. Левин; Ж. Нюттен) и к типологическим моделям временной ориентации (Ф. Зимбардо, Дж. Бойд). Обосновано, что перспективный подход фиксирует преимущественные временные ориентации, однако ограниченно описывает механизмы смысловой интеграции модусов времени в биографии. В связи с этим центральным конструктом избрана временная транспектива как интегративное «сквозное видение» жизненного пути (В.И. Ковалёв), определяемое через систему формальных параметров: протяженность, плотность, направленность и эмоциональный фон (Л.В. Бороздина, И.А. Спиридонова), а также через механизм временной децентрации (Е.И. Головаха, А.А. Кроник).

В параграфе **1.2. «Факторы и предикторы формирования временной транспективы в контексте жизненного пути»** временная транспектива рассмотрена как многомерный динамический процесс, формирующийся под влиянием социокультурных условий, микросоциального опыта, личностных характеристик, возрастных задач и когнитивных механизмов (Э. Эриксон; Д. Левинсон; Ж. Пиаже; А.Р. Лурия). В рамках субъектно-деятельностного подхода ее становление детерминировано взаимодействием внешних условий и внутренней активности субъекта (С.Л. Рубинштейн; К.А. Абульханова-Славская), что позволяет перейти от статического описания к анализу закономерностей.

Систематизированы основные группы факторов: социокультурные условия; микросоциальная среда и опыт воспитания; индивидуально-личностные характеристики; возрастная динамика задач; когнитивные механизмы; опыт биографически значимых событий. Показано, что травматический опыт может приводить к дисбалансу временной организации с

фиксацией на прошлом и ограничением будущего; предложена модель «временной матрицы травматического опыта».

Обоснована роль привязанности как ключевого предиктора временной организации. Выбранный предиктор логично встроен в сложную систему влияющих факторов, однако данный аспект изучен недостаточно.

В параграфе **1.3. «Теоретические и методологические подходы к исследованию психологической привязанности в детском и взрослом возрастах»** дается представление о природе, структуре и факторах формирования психологической привязанности. Показано, что современные представления о привязанности консолидированы в этологической и эволюционной традиции (Дж. Боулби; М. Эйнсворт) при существенном вкладе психоаналитической линии (З. Фрейд; М. Кляйн; Д. Винникотт) и отечественной культурно-исторической и деятельностной традиции (Л.С. Выготский; Д.Б. Эльконин; М.И. Лисина). Ключевым объяснительным механизмом преемственности привязанности обозначены внутренние рабочие модели (ВРМ), представляющие когнитивно-аффективные репрезентации «Я» и «Другого», регулирующие ожидания доступности поддержки, атрибуцию событий, селективность внимания и памяти, а также стратегии совладания со стрессом. Рассмотрены категориальные и дименсионные модели взрослой привязанности (К. Хазан, Ф. Шейвер; К. Бартоломью, Л. Хоровиц; К. Бреннан и соавт.; М. Микулинсер, Ф. Шейвер), а также условия относительной стабильности и изменчивости репрезентаций привязанности на протяжении жизни.

В параграфе **1.4. «Психологические репрезентации привязанности как предиктор временной транспективы личности»** показано, что привязанность выступает не только межличностным феноменом, но и когнитивно-аффективным регулятором переработки временной информации, задавая фильтры автобиографической ретроспекции, особенности переживания настоящего и ширину горизонта будущего. Обобщены данные о специфике временной организации при разных стилях привязанности: надежная соотносится со сбалансированной и интегрированной структурой; тревожная – с субъективным приближением негативного прошлого, руминациями и риском инверсии; избегающая – с деактивацией аффекта и редукцией долгосрочного планирования. В качестве индикатора нарушений в диаде «прошлое–настоящее» рассматривается субъективная временная дистанция.

Теоретически обосновано, что внутренние рабочие модели, определяя доверие к миру и способы регуляции, задают фильтры автобиографической памяти и моделирования будущего. Это проявляется в параметрах транспективы: валентность прошлого/будущего, плотность событийно-смыслового поля, протяженность горизонта и баланс модусов. Сформирована концептуальная модель связи привязанности и временной транспективы, определяющая логику и переменные эмпирического исследования.

В главе **2 «Организация, методология и методы эмпирического исследования»** описаны методологические основания, организация и диагностический инструментарий эмпирического исследования, направленного на проверку гипотез о предикторной роли психологической привязанности (в

детстве и во взрослом возрасте) в отношении параметров временной трансспективы личности.

В параграфе **2.1. «Методологические основы построения эмпирического исследования привязанности как предиктора временной трансспективы личности»** представлена методологическая модель исследования, основанная на интеграции теории привязанности и подходов к психологическому времени. Модель связывает переменные в логике «ранний опыт – актуальные диспозиции – организация субъективного времени».

Детская привязанность, ретроспективно оцениваемая как источник ВРМ, транслируется в актуальный стиль взрослой привязанности, который предсказывает параметры временной трансспективы. Надежный стиль обуславливает сбалансированный профиль; тревожный – дисбаланс с доминированием негативного прошлого и руминациями; избегающий – суженную протяженность, низкую эмоциональную насыщенность и ориентацию на фаталистическое настоящее. Связь между детским и взрослым опытом, а также сила влияния на трансспективу опосредуется дополнительными факторами: значимостью жизненных событий (травма или ресурс), метакогнициями (усиливающими тревожную рефлексию) и базовыми личностными ресурсами (самоуважение). Модель задаёт логику и структуру эмпирической части исследования, определяя выбор психодиагностического инструментария.

В параграфе **2.2. «Организация исследования, подбор и разработка диагностического материала»** представлена программа исследования, включающая подготовительный, пилотажный, основной и интерпретационный этапы. Сформирована совокупная выборка 295 человек: выборка адаптации методики (N=127) и выборка основного исследования (N=168; возраст 18–55 лет).

Для диагностики детской привязанности выполнена адаптация опросника М.В. Яремчук к ретроспективной оценке у взрослых с отдельным измерением привязанности к отцу и матери; психометрическая проверка показала внутреннюю согласованность шкал (α -Кронбаха 0,69–0,82), ретестовую надежность и подтверждение трехфакторной структуры (конфирматорный анализ); конвергентная валидность подтверждена связями с ECR-R (Опыт близких отношений).

В параграфе **2.3. «Описание основного методического инструментария исследования»** представлен комплекс методик, сформированный в соответствии с задачами и гипотезами работы и обеспечивающий многоуровневую диагностику ключевых конструктов. Временная перспектива диагностировалась по методике ЗТPI (Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо) в адаптации О.В. Митиной, А. Сырцовой; эмоционально-семантический компонент времени оценивался методикой «Семантический дифференциал времени» (СДВ) (Л.И. Вассерман); событийно-биографический уровень – методом «Инверсия удаленности» (А.А. Кроник, Е.И. Головаха) и методикой «Психологическая автобиография» (Е.Ю. Коржова); ценностно-смысловой уровень – опросником «Субъективная картина жизненного пути личности» и шкалами методики «Самоактуализационный тест» (САТ), опросником метакогнитивных убеждений

(MCQ-30); привязанность оценивалась по ASQ (Опросник стиля привязанности), типологическому инструменту (тест Гибсона) и RPT (Тест профиля отношений Р. Борнштейн) в адаптации О.П. Макушиной.

В главе 3 «Эмпирическое исследование психологических репрезентаций привязанности как предиктора временной транспективы личности» приводятся основные результаты эмпирического исследования и осуществляется интерпретация выявленных закономерностей восприятия времени и жизненного пути.

В параграфе 3.1. «Сравнительный анализ особенностей временной транспективы у групп с разными типами привязанности» описаны различия временной организации опыта в зависимости от типа привязанности. В ходе исследования (n=168) сравнивались группы с разными типами привязанности, выделенные по тесту Гибсона: «Надежный» (n=53), «Тревожный» (n=44), «Избегающий» (n=71; стратегии дистанцирования). Межгрупповые различия оценивались однофакторным ANOVA с пост-хок Тьюки ($p < 0,05$). Корректность группирования конвергентно подтверждена по ASQ и RPT: получены ожидаемые профили – надёжный (сбалансированность), тревожный (гиперактивация), избегающий (деактивация, дистанцирование). Установлена преемственность с детской привязанностью: ретроспективные оценки отношений с родителями значимо различаются ($p < 0,001$).

Анализ временной транспективы выявил устойчивые различия. По семантическому дифференциалу времени (СДВ) респонденты с надёжным типом привязанности демонстрируют большую активность всех временных модусов ($p = 0,012 - 0,032$), их позитивную эмоциональную окраску ($p \leq 0,006$) и осязаемость прошлого ($p = 0,032$). По опроснику ZTP1 тревожный тип связан с высокими показателями по шкале «Негативное прошлое» ($p < 0,001$), надёжный – с высокими показателями по шкале «Позитивное прошлое» ($p = 0,001$), тогда как показатели по шкале «Фаталистическое настоящее» выше у респондентов с тревожным и избегающим типами. Методика инверсии (Кроник–Головаха) подтвердила профили: минимальная инверсия у респондентов с надёжной привязанностью, максимальная – с тревожной.

Раскрыты психологические механизмы: надёжная привязанность формирует осмысленность, целостность жизненного пути и веру в собственные возможности. При избегающем типе привязанности акцент смещается на интеллектуальный контроль и схематичность автобиографической памяти, при тревожном – на экзистенциальную растерянность. Исследование событийно-биографического компонента (методика «Психологическая автобиография») выявило различия количественных и содержательных характеристик автобиографической памяти испытуемых с разным типом привязанности.

Проведенный анализ убедительно доказывает, что надёжная привязанность порождает осмысленность и когнитивную уверенность, тревожная – экзистенциальную растерянность и мета-тревогу, а избегающая – стратегию гиперконтроля и смысловой нейтральности.

В параграфе 3.2. «Анализ взаимосвязей привязанности и временной транспективы в контексте жизненных событий и возрастной динамики» выполнен анализ взаимосвязей (r -Спирмена, $p < 0,05$) между показателями привязанности (включая ретроспективно оцениваемую детскую привязанность к матери и отцу) и параметрами временной транспективы (рис 1).

Корреляционный анализ показал, что показатели надёжной привязанности сопряжены с более позитивными и перспективными характеристиками времени и большей смысловой связностью жизненного пути, тогда как показатели тревожного и избегающего типов связаны с негативным восприятием прошлого, усилением фатализма, снижением перспективности и ростом инверсии.

Рис. 1 – Основные корреляционные взаимосвязи привязанности с характеристиками времени
Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$

Для подтверждения преимущества паттернов привязанности выполнен корреляционный анализ r -Спирмена ($p < 0,05$), выявивший значимые связи между ретроспективными оценками детской привязанности и взрослыми стилями отношений ($r = 0,287 - 0,723$). Показатели привязанности к матери/отцу соотносятся с типами Гибсона и шкалами RPT. Связи для материнской фигуры более выражены ($r = 0,723$ для пары «мать: надежная – надёжный тип»), что указывает на ее особую роль в формировании репрезентаций.

Для анализа связи автобиографического нарратива с типом привязанности проведен контент-анализ методики «Психологическая автобиография» Е.Ю. Коржовой (1365 событий). По тематике и валентности события категоризованы в четыре класса (таблица 1) травматические (28,1%), достижения (22,4%), семейные отношения (26,6%), переходные этапы (22,9%). Для дисперсионного сравнения отобрано 126 респондентов с выраженным событийным фокусом (доминирование признаков $> 35\%$): группа травм ($n = 28$), достижений ($n = 31$), семьи ($n = 35$), переходов ($n = 32$). Респонденты с неопределенным профилем

(n=42) исключены из анализа.

Таблица 1 – Сравнение показателей привязанности (RPT) между группами с разным превалирующим типом событий (ANOVA), $p < 0,001$

Шкала RPT	Группа 1 (Травма) M±SD	Группа 2 (Достижения)) M±SD	Группа 3 (Семья) M±SD	Группа 4 (Переходы) M±SD	F	Пост-хок
Дисфункциональ ное отделение	38,2 ± 4,1	29,8 ± 3,7	32,4 ± 3,9	30,1 ± 3,8	8,45	1 > 2, 1 > 4
Деструктивная сверхзависимость	42,6 ± 4,8	31,5 ± 4,2	36,8 ± 4,5	33,2 ± 4,3	9,12	1 > 2, 1 > 3, 1 > 4
Здоровая зависимость	28,4 ± 3,5	39,2 ± 4,1	36,5 ± 3,9	37,8 ± 4,0	10,23	1 < 2, 1 < 3, 1 < 4

Выявлены статистически значимые различия. Преобладание травматических событий связано с наиболее выраженными нарушенными паттернами и минимальной здоровой зависимостью. Группа достижений демонстрирует наиболее адаптивный профиль, тогда как группы семейных событий и переходов занимают промежуточное положение, тяготея к более благополучным показателям без усиления нарушенных паттернов. Это уточняет связь автобиографического опыта и характеристик привязанности.

Исходя из предположения, что возраст может сильно влиять на восприятие времени и стили привязанности проведено сравнение двух возрастных кластеров по Д. Бромлею: 21–25 лет (n=42) и 40–55 лет (n=48) по ZTP1 и ASQ (U Манна–Уитни). В группе 40–55 лет выявлены более адаптивные показатели времени: снижение негативного прошлого (U=705; $p=0,014$), фаталистического (U=760; $p=0,036$) и гедонистического настоящего (U=650; $p=0,002$) при росте ориентации на будущее (U=720; $p=0,009$); различий по позитивному прошлому не получено. По привязанности у старшей группы отмечено снижение избегания и тревоги при росте здоровой зависимости, что указывает на возрастной сдвиг к более перспективной временной организации и надёжным паттернам привязанности.

В параграфе 3.3. «Математический анализ детерминации типа привязанности временной транспективы личности» решалась задача интеграции многоуровневых показателей времени в укрупнённую структуру, а также проверки предикторной силы параметров привязанности.

Для выявления латентной структуры временной транспективы личности проведён **факторный анализ** (метод главных компонент, varimax-вращение). Выделено 5 факторов с собственными значениями $>1,0$, суммарно объясняющих 67,93% дисперсии. Наиболее мощным стал фактор «Интегрированность и осмысленность временной перспективы» (Ф1) (24,98%; $\alpha=0,91$), включивший веру в «Я» ($\beta=0,892$), осмысленность ($\beta=0,872$), телеологичность ($\beta=0,845$), компетентность во времени ($\beta=0,845$) и показатели надёжной привязанности. Фактор «Тревожная дезинтеграция» (Ф2) (17,15%; $\alpha=0,88$) объединил тревожность ($\beta=0,856$), негативное прошлое ($\beta=0,832$), деструктивную сверхзависимость ($\beta=0,831$), негативные метакогниции ($\beta=0,823$) и фаталистическое настоящее ($\beta=0,793$). Факторы «Избегающая девальвация» (Ф3) (10,60%; $\alpha=0,83$), «Эмоциональная позитивность и активность переживания

времени» (8,04%; $\alpha=0,79$) (Ф4) и «Фаталистическая ограниченность времени» (Ф5) (7,16%; $\alpha=0,85$) завершили модель. Полученные данные подтверждают, что временная транспектива организуется вокруг профиля привязанности.

Для проверки детерминации привязанностью построены **множественные регрессионные модели**: показатели профиля отношений (здоровая зависимость, деструктивная сверхзависимость, дисфункциональное отделение) выступили значимыми предикторами 1) отдельных компонентов времени (ZTPI, инверсия, автобиографические показатели, смысловые шкалы) и 2) латентных факторов временной транспективы, выделенные при помощи факторного анализа (таблицы 2, 3). Все модели значимы ($p<0,001$) и объясняют 41,2–72,3% дисперсии зависимых переменных ($R^2=0,412-0,723$).

Таблица 2 – Сводная матрица влияния параметров привязанности на показатели временной транспективы и инверсии удалённости (1 модель)

Показатель	R ² модели	Здоровая зависимость	Деструктивная сверхзав-ть	Дисфунк. отделение
Негативное прошлое	0,587	-0,298***	0,612*	0,284
Позитивное прошлое	0,634	0,689*	-0,324*	-0,256**
Фаталистическое настоящее	0,521	-0,312***	0,578*	0,267
Гедонистическое настоящее	0,478	0,534*	-0,234*	-0,287
Будущее	0,602	0,645*	-0,345*	-0,278**
Инверсия общая	0,612	-0,324***	0,645*	0,301
Инверсия прошлого	0,598	-0,335*	0,632*	0,254**
Инверсия настоящего	0,534	-0,287***	0,587*	0,301
Инверсия будущего	0,487	-0,312*	0,534*	0,245**

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

В модели 1 показано, что нарушения темпоральной дистанции наиболее последовательно предсказываются деструктивной сверхзависимостью: для общей инверсии (при отрицательном вкладе здоровой зависимости) аналогичная направленность сохраняется для инверсии прошлого, настоящего и будущего.

Регрессионные модели для комплексных показателей временной транспективы представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Стандартизированные коэффициенты регрессии (β) комплексных показателей для исследования временной транспективы

Комплексный показатель (зависимая переменная)	R ² модели	Здоровая зависимость	Деструктивная сверхзав-ть	Дисф. отделение
Коржова: Продуктивность	0,612	0,645*	-0,312*	-0,267**
Коржова: Оценка событий	0,678	0,712*	-0,356*	-0,289***
Коржова: Влияние событий	0,534	-0,301***	0,567*	0,278
Коржова: Время ретроспекции	0,487	0,523*	-0,267	-0,234*
Коржова: Время антиципации	0,556	0,589*	-0,312*	-0,278**
Суб. картина: Темпоральная	0,723	0,745*	-0,367*	-0,312***
Суб. картина: Телеологическая	0,698	0,723*	-0,345*	-0,301***
Суб. картина: Адопциональная	0,667	0,689*	-0,334*	-0,287***
Суб. картина: Ипсефидальная	0,712	0,734*	-0,356*	-0,312***

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Выявлен наибольший вклад привязанности для ценностно-смыслового компонента транспективы, далее – аффективного, когнитивно-оценочного и

регулятивно-поведенческого. Наиболее сильные эффекты получены по смысловым параметрам субъективной картины жизненного пути: темпоральная, ипсефидальная и телеологическая, при отрицательных вкладах сверхзависимости и отделения.

По методике Е.Ю. Коржовой здоровая зависимость положительно предсказывает продуктивность, оценку событий, время ретроспекции и антиципации, тогда как деструктивная сверхзависимость и дисфункциональное отделение в большинстве моделей выступают отрицательными предикторами.

Максимальная объясняющая способность регрессионных моделей в ценностно-смысловом блоке уточняет механизм влияния надёжной привязанности на интеграцию транспективы: его ядром выступает ипсефидальная компонента – базовая вера в собственное «Я» как внутренняя «безопасная база». В целом здоровая зависимость выступает протективным предиктором адаптивных компонентов, тогда как сверхзависимость – ключевым предиктором дезадаптивных параметров, что подтверждает предикторную роль паттернов привязанности в структуре временной транспективы.

Во 2-й модели регрессионного анализа (табл. 4) наиболее выраженная предсказательная сила получена для Ф1 «интегрированность и осмысленность временной перспективы», позитивным предиктором которой выступает здоровая зависимость. Тогда как дисфункциональное отделение и деструктивная сверхзависимость снижают выраженность интегрированного временного профиля. Деструктивная сверхзависимость является основным предиктором Ф2 «тревожная дезинтеграция» и Ф5 «фаталистическая ограниченность времени», а дисфункциональное отделение – ведущим предиктором Ф3 «избегающая девальвация».

Таблица 4 – Стандартизированные коэффициенты регрессии (β) латентных факторов временной транспективы (2 модель)

Предиктор	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
R ² модели	0,684	0,598	0,523	0,487	0,412
Здоровая зависимость	0,712***	-0,312***	-0,298**	0,567***	-0,301**
Дисфункц. отделение	-0,423***	0,287**	0,601***	-0,256*	0,287**
Деструкт. сверхзавис.	-0,385***	0,645***	0,234*	-0,345***	0,512***

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Здоровая зависимость дополнительно предсказывает Ф4 «эмоциональная позитивность и активность переживания времени», выступая протективным фактором по отношению к дезадаптивным компонентам транспективы. Таким образом, выявлены два пути нарушений транспективы: тревожно-дезинтеграционный (сверхзависимость) и избегающе-девальвирующий (отделение), тогда как здоровая зависимость выступает протективным предиктором интеграции и позитивности временного опыта.

Совокупность факторных и регрессионных результатов эмпирически подтверждает гипотезу о дифференцированных механизмах влияния различных паттернов привязанности на параметры временной транспективы и задаёт основу для интерпретации привязанности как одного из ключевых предикторов темпоральной организации жизненного пути.

В **заключении** подведены итоги исследования и подтверждено достижение цели – выявление предикторной роли психологической привязанности в формировании параметров временной трансспективы личности. Обозначены перспективы дальнейших исследований.

На основании проведенного нами исследования можно сформулировать следующие **выводы**:

1. Тип психологической привязанности является значимым предиктором параметров временной трансспективы личности. Надежная привязанность связана с формированием сбалансированной, интегрированной и позитивно окрашенной временной трансспективы, характеризующейся широким горизонтом планирования, высокой смысловой насыщенностью и позитивным эмоциональным фоном. Ненадежные типы привязанности (тревожный и избегающий) ведут к нарушениям в темпоральной организации: фрагментации, инверсии времени, негативному эмоциональному фону и сужению горизонта планирования.

2. Различные типы ненадежной привязанности оказывают дифференцированное влияние на временную трансспективу.

Тревожная привязанность выступает ключевым предиктором нарушений структурной целостности времени, проявляющихся в феномене инверсии (смещении границ между прошлым, настоящим и будущим), фиксации на негативном прошлом и фаталистическом восприятии настоящего.

Избегающая привязанность предсказывает формирование эмоционально обедненной, схематичной трансспективы с суженным горизонтом планирования и тенденцией к подавлению автобиографических воспоминаний.

3. Связь между детской и взрослой привязанностью опосредуется жизненным опытом. Субъективная значимость и модальность (позитивная/негативная) последующих событий (травмы, достижения) могут усиливать или ослаблять влияние раннего типа привязанности на формирование взрослого стиля и, соответственно, на временную трансспективу.

4. Наиболее вероятным механизмом влияния надежной привязанности на формирование интегрированной трансспективы является развитие ипсефидальной компоненты – базовой веры в свое «Я», создающей внутреннюю «психологическую безопасную базу» для свободного оперирования временными модусами без защитных искажений.

5. Тип привязанности выступает системообразующим предиктором темпоральной организации личности, поскольку внутренние рабочие модели привязанности формируют базовые когнитивно-аффективные схемы отношения к себе, миру и времени. Это обеспечивает долгосрочное влияние привязанности на способность к планированию, осмыслению прошлого и эмоциональному проживанию настоящего.

6. Эмпирически выявлена и подтверждена пятифакторная модель структуры временной трансспективы, включающая, помимо традиционных параметров (осмысленность, эмоциональный фон), новое измерение – ощущение фаталистической ограниченности и дефицита времени, что вносит вклад в развитие концепции временной трансспективы.

Содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Романова, Н.В. Объяснительная модель взаимосвязи жизненного пути и временной трансспективы личности / Н. В. Романова // *International Journal of Medicine and Psychology*. – 2026. – Т. 9. № 1. – С. 160-170. (1,07 п.л.)

2. Романова, Н.В. Привязанность как детерминанта посттравматического роста при переживании травматических событий / О. О. Андронникова, Н. В. Романова // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. – 2025. – Т. 14, № 2-1. – С. 32-42. – EDN EGUSMB. (0,87 п.л. / 0,43 п.л.)

3. Романова, Н.В. Специфика переживания психологического времени и дисфункциональные метакогнитивные модели как последствия опыта переживания травматических событий в детстве / О. О. Андронникова, Н. В. Романова // *Russian Journal of Education and Psychology*. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 555-577. – DOI 10.12731/2658-4034-2025-16-2-709. – EDN JEKDFV. (1,1 п.л. / 0,55 п.л.)

4. Романова, Н.В. Влияние детской травмы во взаимосвязи с феноменом привязанности: нейробиологические закономерности / О. О. Андронникова, Н. В. Романова // *International Journal of Medicine and Psychology*. – 2025. – Т. 8, № 3. – С. 83-91. – EDN ASLFQD. (0,93 п.л./ 0,46 п.л.)

5. Романова, Н.В. Исследование взаимосвязи типа привязанности в детском возрасте со стилем отношений привязанности у взрослых / О. О. Андронникова, Н. В. Романова // *Обзор педагогических исследований*. – 2025. – Т. 7, № 3. – С. 6-16. – EDN MFZZRX. (0,99 п.л. / 0,49 п.л.)

6. Романова, Н. В. Временная перспектива и субъективное психологическое благополучие: анализ объясняющих моделей и механизмов / О. О. Андронникова, Н. В. Романова // *Образовательный вестник Сознание*. – 2025. – Т. 27, № 4. – С. 13-23. – DOI 10.26787/nydha-2686-6846-2025-27-4-13-23. – EDN OVFLKD. (0,83 п.л. / 0,41 п.л.)

7. Романова, Н.В. Адаптация методики М.В. Яремчук для ретроспективной оценки привязанности к родителям у взрослых / О. О. Андронникова, Н. В. Романова // *Живая психология*. – 2025. – Т. 12, № 7(63). – С. 10-16. – EDN GOCMT. (0,56 п.л. / 0,28 п.л.)

Публикации в других изданиях:

8. Романова, Н. В. Специфика восприятия жизненного пути клиентов с разным типом привязанности 5 / О. О. Андронникова, Н. В. Романова // *СМАЛЬТА*. – 2023. – № 4. – С. 5-15. – DOI 10.15293/2312-1580.2304.01. – EDN ВАЕНСН. (0,81 п.л. / 0,40 п.л.)

9. Романова, Н. В. Стили привязанности и их роль в жизни человека / Н. В. Романова // *Смальта*. – 2025. – № 1. – С. 40-51. – DOI 10.15293/2312-1580.2501.04. – EDN JLASRG. (0,87 п.л.)